

МЕЖДУ ХАРМСОМ И РАДОВЫМ

Литературный опыт Нурлана Султанбаева

Прежде прочего, прочтение произведений Нурлана Султанбаева приводит к придумыванию для себя, какой это был человек. При жизни я только слышал о нем от прекрасной художницы и поэтессы Сауле Сулейменовой как о художнике и поэте еще более прекрасном. «Так почему его нет на тусовках, почему бы не встретиться с ним?» Но Сауле окружала его странной тайной, так что, если мне очень хотелось, я мог только придумывать этого человека.

Теперь я знаю все – сочинения, рисунки и факты биографии – от Зитты. И лучше всего обратиться к ее публикациям («Стайлинг», № 1, 1993 и «Азия кино», № 2, 1993). Там вся жизнь Нурлана дана слишком ясно, чтобы я или кто-то там еще мог чего-то добавить. Там же показан исток его творчества, там названо то, что дало ему первый толчок, а затем отображено то, что называется результатом. И, в принципе, сам он как автор от нас ничего не скрывал. В коротких и тихих по тону стихах изложена история его творчества: от озарения, через возникновение сквозных и устойчивых образов и видений, в поэтологическом антропогенезе и космогонии до искреннейшей благодарности Богу, что «хорошенько трахнул по башке».

Конечно же, с Богом легче общаться с юмором, и выдавать результаты этого общения в виде стихов и прозаических пассажей лучше всего в жанрах детскости и абсурдизма. Так обычно выглядит сознание Истинной Реальности.

Сразу же оговорю, что сколь не изощрились бы критики, тайна всё равно останется тайной. И, разложив все его сочинения, мы всё равно не получим достаточной площади, чтобы различить или оговорить очень сложный вопрос о его месте в европейских художественных течениях (сюрреализме, абсурдизме), тем более о его месте в т. н. детской литературе, вышедшей из «смехового мира», где смешались карнавальность с проповедью. Трудно точно определить влияние всех этих течений на творчество юного автора, хотя нет сомнения, что он был в курсе... Он взял курс на восточное направление. Поэтому лучше оставим традицию сюрреализма и абсурдизма и детской литературы в стороне от его пути, условно говоря, между Даниилом Хармсом и Егором Радовым. Мои мысли после прочтения склоняются, почти автоматически, к традициям русской литературной эксцентрики от ОБЭРИУ обэриутов до постмодернистов.

Достаточно на это указать... Но Хармс стал общедоступен только в 1991 году, а Радов – в 1992-м. То есть за свои восемнадцать лет Нурлан Султанбаев, не будучи

специалистом и изыскателем эксцентризма, никак не мог получить ни доступа, ни прямого воздействия, как литературной эксцентрики, так и постмодернизма.

Можно было подумать, что эта традиция, которой он овладел, существует подспудно в соцреализме и проникает в художественные умы поколения таинственным незримым образом... если бы не посредство других искусств, из которых «важнейшим является кино».

Хармсовский «реалист по тупости», и наш посредственный совком после этих случайных сеансов останется в зоне уверенного потребления и масскульту, он не заметит опосредствования, не прочтет послания от «Расширенного Восприятия Мира и непосредственного восприятия времени». В конечном итоге поэт Нурлан Султанбаев, хотя бы в образе Беззащитного Черепа, встретится с этим совком как с врагом на духовной войне непосредственности, шелухи и открытости. Нурлан Султанбаев получил новый импульс: он понял, к примеру, не столько Андрея Тарковского в «Сталкере», сколько себя самого, уже содержащего в своей природе силу творчества. Не пытаясь откладывать жизнь, еще не владея умением не сорваться с пути и еще не поняв суть традиций, Нурлан Султанбаев, как и Хармс, был «естественным мыслителем». «Так легче было очистить предмет от “обиходной шелухи”. Ведь дети и философы-дилетанты свободны от предрассудков взрослых и профессиональных мыслителей» (Хармс Д. Полет в небеса. Л., 1988. С. 26). Но если обэриуты писали как бы от имени ребенка, то Нурлан Султанбаев писал ребенком.

Другой общностью с Хармсом был интерес Нурлана Султанбаева к гротеску, затем можно упомянуть парапсихические способности, потом – страсть к мистификации, и, в конце концов, ту же любовь к литературным псевдонимам самого замысловатого характера. Разве странно, что стиль Нурлана Султанбаева потек в том же русле – от стихотворных заклинаний до масок-псевдонимов.

Но эксцентризм завершился в себе эгоцентризмом.

Трудно всегда оставаться готовым, по словам Хармса, к «полету в небеса». Это трудно оттого, что теряется смысл постоянно откладывать этот «полет» из обжитого круга, порочного круга. Разве странно созвучие «порог» и «порок», «пророк» и т. д.? Рок по хронологии совпадает, судя по сочинениям Нурлана Султанбаева, с переходом от детскости к абсурдизму, от озорного озарения к взорвавшейся зрелости, от пре- к пост. Словом, путь Нурлана Султанбаева достался бы ему и всем его близким дорогой ценой, в любом случае дорога была бы дорога. Подобно тому, что к его «ранним» стихотворениям дети могут отнести с большим сочувствием, в то время как к «поздним» прозотворениям с симпатией могут отнести интеллектуальные циники.

Неагрессивный духовный цинизм двигает постмодернизм, «новую» литературу.

То, что раньше было частью интереса, становится единственным: Бог, Космос, Изначальное и Нерасчленимое. Отсюда так шокирующее мыслящего по-старому нарушение литературных правил хорошего тона и моральных запретов. «Пристойное» и «непристойное» уравниваются на пути к Изначальному, не знающему различия «доброе» и «злое», «хорошего» и «плохого». Персонажи превращаются в персонификации, сюжеты – в аллегории.

Вместе с тем и литература перестает быть искусством, но – благовествованием

об инобытии, а затем и непосредственно магическим действием, преображаю-

щим мир, возвращающим его к Истокам, возвращающим человека туда, откуда он пришел – в прах (Е. Радов. Змеесос. Л. – Таллин, 1992. С. 3–4).

Говорить об этом литературном опыте стало труднее: круг замкнулся, «улет» необходим, чтобы осталось нечто в «новом» жанре – Евангелие от Нурлана, Бхагават-Зитту...

Но если постмодернисты пишут как бы от имени нездоровья и идейно простигают смерть, то Нурлан Султанбаев сам был... и его уже нет. А мы читаем его сочинения как физически реальный абсурдизм. Познай он «логику бесконечного небытия» только лишь литературно-художественно, он бы впоследствии пришел, развил и внес бы свой вклад в постмодернизм. И, например, мне бы тогда следовало судить о его творчестве по законам этого течения – против логики несущего болезненно открытые души к Истоку, давно напоминающему помойную яму.

Относительно самой его судьбы, а не только литературного опыта легко применять категории Иррациональности и Абсурда, чьи лингвистические и фабульные стороны даже неловко обсуждать, ибо эти стороны вторичны. Но в остатке, в осадке, в наследии – творчество, в целом подобное тайне: без учета эмоциональной реакции Нурлан Султанбаев задумал и создал такое произведение, которое не пережить.

Еще одна традиция в нашем абсурдистки неустойчивом пространстве и иррационально нестойком времени.

Игорь Полицятов
литературовед

Я думаю, что стихи Нурлана – гениальные. И они ближе всего Лермонтову – по чувству заброшенности одинокого юного существа – поэта – в жизни, в звёздной ночи, на кремнистом пути без ясных ориентиров. Фонари хоронят святого Фонаря. Это – настоящее, главное чувство истинного поэта.

Александр Бренер
Цюрих, 17.09.2018